

ЭВОЛЮЦИЯ МАРКСИЗМА КАК ПРЕДМЕТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (ВВЕДЕНИЕ)

Эта книга посвящена трансформации марксизма из политической и мировоззренческой доктрины рабочего движения в одно из важнейших течений современной социальной теории. Именно появление западного марксизма, или неомарксизма, — работ Корша, Лукача и Франкфуртского Института социальных исследований (ИСИ) — отмечает начало этого процесса. В развитии этого течения общественной мысли (которое также обобщенно называют «критической теорией») обычно выделяют следующие этапы:

1. Формирование исходных принципов новой теоретической интерпретации Маркса в работах Лукача и Корша (начиная с 1918 г.) и деятельность Франкфуртского Института социальных исследователей при первом директоре — Карле Грюнберге (1923–1930 гг.).

2. Реализация программы «материалистического социального исследования», сформулированной новым директором Института — Максом Хоркхаймером (1931–1936 гг.); появление феномена «Франкфуртской школы» и отход от нее Лукача.

3. Фаза формулирования собственно «критической теории общества» на страницах институтского журнала «Zeitschrift für Sozialforschung» в конце 1930-х гг. и окончательное формирование Франкфуртской школы (1937–1941 гг.).

4. Философский анализ диалектики Просвещения и критика инструментального разума; социально-психологическое исследование системы предубеждений (1941–1948 гг.).

Дальнейшее развитие Франкфуртской школы и воссозданного после окончания Второй мировой войны Института проходило уже в форме развития и распространения именно этой

последней теоретической программы. Предметом внимания в предлагаемой книге будут первые два — и, пожалуй, менее всего изученные — этапы развития критической теории, связанные с политической и интеллектуальной жизнью Веймарской Германии. Поэтому главную задачу книги можно сформулировать как выявление веймарского контекста рождения неомарксистского дискурса, его влияния на развитие двух расходящихся версий западного марксизма — у Лукача и теоретиков Франкфуртской школы.

Основной историко-теоретический ракурс исследования вовсе не исключает обращения к событиям и тенденциям политической истории. Напротив, рассматриваемый нами процесс «онаучивания» марксизма находился в прямой связи с возникшим в то же самое время расхождением социал-демократической и коммунистической версий марксистской идеологии. Исследование эволюции марксизма в указанном направлении — от «идеологии» к «науке» — подразумевает использование подходов и достижений разных областей исторического знания. Поэтому в данном исследовании я опирался, с одной стороны, на опыт изучения социальной истории Германии, России и Центральной Европы и общественных движений межвоенного периода (от Коминтерна до «консервативной революции»), а с другой — с особым вниманием относился к истории социальных и гуманитарных наук, включая эволюцию отдельных академических школ, институций и учреждений. Жанр предлагаемого вниманию читателей сочинения в самом общем виде можно обозначить как «интеллектуальную историю», со всей внутренней сложностью и многосоставностью этого определения. Серьезные расхождения в понимании интеллектуальной истории и реализации ее аналитических возможностей, особо значимые для нынешнего этапа развития отечественной историографии, мне кажется более плодотворным обсуждать не на уровне общей методологии, а в связи с конкретными задачами и проблемами данной работы. Комплексный характер предмета изучения — эволюции марксизма 1910–1930-х гг. — подразумевает использование и взаимодействие трех главных аналитических срезов:

— политической и социальной истории тех движений и партий (главным образом компартий Германии, Венгрии и

Коминтерна), с которыми была теснейшим образом связана интеллектуальная эволюция наших героев;

— собственно истории идей, в первую очередь той общей методологической трансформации, которую претерпела область знания о человеке и обществе в Германии и Европе описываемого периода;

— социальной истории ученых, учреждений и институций, а также академической политики, обеспечивавших возможность включения марксистских идей и принципов в корпус собственно науки и университетского набора дисциплин.

Таким образом, в центре внимания будет находиться не столько пролетариат — «расчетный» субъект революционных преобразований, сколько «реальный» субъект, или носитель революционной теории, — круг интеллектуалов от Лукача и коммунистических леворадикальных теоретиков начала 1920-х гг. (Корш, Реваи, Фогараши) до создателей «критической теории», объединенных вокруг Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне (от Хоркхаймера до Бенямина)¹. Перенос основного теоретического интереса у авторов Франкфуртской школы уже к концу 1930-х гг. с пролетариата на осмысление своей роли в процессе культурной эволюции капитализма, принципиальная саморефлексивность как ведущий принцип «западного марксизма», или неомарксизма, завершили начатые Лукачем и его соратниками еще в самом конце Первой мировой войны критику и пересмотр прежнего, «автоматического»² марксизма эпохи II Интернационала и его философских оснований. Показательно, что первые шаги по пути «депролетаризации» марксизма отмечены — именно у Лукача в начале 1920-х гг. — поистине мессианским возвеличиванием пролетариата как аутентичного субъект-объекта истории (но только в качестве агента революционного процесса, а не реального класса с ограниченно-экономическими интересами) и под-

¹ О развитии лукачевского «марксизма без пролетариата» Франкфуртской школой в период эмиграции 1930–1940-х гг. см.: Lesek Kolakowski, *Die Hauptströmungen des Marxismus*. München; Zürich, 1981, Bd 3, S. 387. Истоки этого определения восходят, по всей видимости, к П. Лазарфельду.

² Выражение американского исследователя Рассела Якоби (Russel Jacoby), *Dialectic of Defeat. Contours of Western Marxism*. Chicago, 1981, ch. 3, 4).

черкнутым отрицанием любых претензий интеллектуалов как представителей работников умственного труда на ведущую роль в политике и обществе. Отмеченное в самом конце 1980-х гг. В. Подорогой противопоставление Маркса — революционного утописта и Маркса — теоретика товарного фетишизма и методолога социального знания³, несомненно, сделано для того, чтобы подчеркнуть значимость последнего, наиболее важного для философии образа Маркса, для историка идей предстает, однако, в совершенном ином виде. Поэтому интересующие меня вопросы можно было бы сформулировать так: чем Маркс-ученый обязан Марксу-политику и «доктринеру»? и как теоретическая сторона развития марксизма связана с переменами его политической составляющей?

Эта проблематичная целостность марксизма (его партийно-политической и научно-аналитической сторон) сама по себе носит сугубо изменчивый, исторически и географически относительный характер. Уже само формирование марксизма как целостной мировоззренческой и политической доктрины в начале немецкой, а затем и международной социал-демократии стало следствием, как показал Ж. Орт, весьма выборочной периформулировки разнородного (и вовсе не «выплавленного из одного куска стали») наследия Маркса на протяжении 1880–1890-х гг. Она была проведена в первую очередь усилиями К. Каутского и отчасти Ф. Энгельса для борьбы с соперничающими в немецком рабочем движении теориями, в первую очередь Лассалля, Родбертуса и Дюринга⁴. По отношению к XX в., его первой половине, современному историку нельзя не только вести речь об «аутентичном», настоящем марксизме и его «превращениях» и «перетолкованиях», но и довольно трудно

³ *Марксизм: pro и contra*. Москва, 1992, с. 100. Истоки этого разведения следует, безусловно, искать в к работам Бернштейна и в дискуссиях вокруг ревизионизма еще в конце XIX в. (см.: Яков Рокитянский, «Историзм в подходе к “Манифесту коммунистической партии”», *Новая и новейшая история*, 1991, № 4, с. 28–43).

⁴ George Haupt, *Aspects of International Socialism, 1871–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, p. 18–20. Об уникальности роли Каутского как ведущего теоретика, а также хранителя и гаранта марксизма внутри СДПГ см.: Ingrid Gilcher-Holtey, *Das Mandat des Intellektuellen. Karl Kautsky und die Sozialdemokratie*. Berlin: Siedler, 1986, S. 252–268.

говорить о некоем едином марксизме (кроме весьма высокого уровня абстракции) — без привязки к конкретному историческому месту и времени, будь то Германия 1920-х или Франция 1960-х гг. Таким контекстом для нашего исследования является исторический кризис и перелом, связанный с Первой мировой войной и революциями в России и Европе, а также с идейной, политической и культурной жизнью Веймарской республики, включая развитие философии и социальных наук в Германии того периода. Крушение общественных и интеллектуальных устоев Европы belle époque привело к коренным изменениям как самой марксистской мысли, так и теоретических и ценностных оснований немецкого (для нашего случая) социального и гуманитарного знания.

Возникающие здесь общие дилеммы отмечены в связи с творчеством Георга Зиммеля исследователем его социологического наследия О. Рамштедтом: социология рубежа XIX–XX вв. от Тённиса до Зомбарта строилась на отсылке к традиционным социальным формам (община, сословное общество) как отправной точке и своеобразной константе анализа, при этом все новые изменения и модернизация в целом понимались как трансформация и своего рода эрозия этих устойчивых форм. Новое, таким образом, могло быть воспринято только как видоизменение, надстройка над старым и известным. Первая мировая война, крах династических режимов и сословного принципа строения общества, военная и пропагандистская мобилизация масс сделали нерелевантной эту прежнюю исходную «органически-социальную» инстанцию исследования⁵. Теперь общественное развитие при всей его проблематичности и неоднотипности должно было толковаться уже исходя из него самого — так, чтобы само это движение стало мерой его анализа, с необходимой утратой былой традиционной стабильности и «онтологической определенности» (К. Манхейм). Рождение нового, неклассического типа знания — включая и социальное знание — было связано также с тематизацией его бытийной связанности, с открытием непрозрачности сознания для самого действующего субъекта, несводимого только к

⁵ Отхайн Рамштедт, «Актуальность социологии Зиммеля», *Социологический журнал*, 1994, № 2, с. 61–62.

субъекту рационального познания. На уровне «философии эпохи» этот поворот западной мысли принято было уже тогда связывать с именами Ницше, Фрейда и Маркса (как, например, у Макса Вебера); в рассматриваемый период особенно значимым было также непосредственное влияние идей «философии жизни» от Дильтея и Бергсона до Сореля⁶.

Если воспользоваться термином, введенным Мишелем Фуко в «Словах и вещах», можно говорить об исторически и социально определенном рождении на рубеже 1910-х и 1920-х гг. эпистемы современного гуманитарного и социального знания⁷. В самом марксизме эта общая переменная сказалась на переходе от эволюционистского и натуралистически-позитивистского его понимания, заданного в эпоху II Интернационала (от Бернштейна и Плеханова до Ленина и Люксембург) — к «левому марксизму» 1920-х гг., объединившему, несмотря на все отличия, которые во всей значимости выявятся позднее, Лукача, Корша, Адорно, Хоркхаймера, Маркузе и др. В немецких социальных и гуманитарных науках периода Веймарской республики рождение этой новой эпистемы стало очевидным со становлением социологии знания, унаследовавшей у Макса Вебера проблематику свободы от оценок и отнесения к ценности; наиболее важным в этом процессе было влияние нового бытийного обоснования феноменологического проекта (с ошутимым влиянием философии жизни) Мартином Хайдеггером и — особенно — историцистское и гегельянское переосмысление марксизма Лукачем.

⁶ Это влияние Бергсона и Сореля на развитие гуманитарных наук начала XX в. особенно подчеркивал еще Г.С. Хьюгс (H. Stuart Hughes, *Consciousness and Society: The Reorientation of European Social Thought, 1890–1930*. London: MacGibbon and Kee, 1967).

⁷ Кстати, в книге самого Фуко присутствует определенная двойственность в понимании этой современной эпистемы, которая то отсчитывается от появления истории и самой фигуры «человека» (как нового агента сфер жизни, труда и языка) в начале XIX в., то связывается с осознанием рождающихся здесь апорий у Ницше, Фрейда и Леви-Строса и в конечном счете в самой книге Фуко. Рассматриваемую нами (главным образом в самом марксизме) трансформацию социального и гуманитарного знания можно описывать как своего рода преломление этой первой («объективной») современности-1 во вторую («субъективную») современность-2.

Однако реализация этого общего «онтологического» и «социально-исторического» поворота в гуманитарном знании 1920-х гг.⁸ проходила, разумеется, не в режиме «филиации идей», а в рамках существующих институтов науки и высшего образования, активно вовлеченных в процесс внутренней трансформации и организационного реформирования. Один из самых глубоких и внимательных историков социальных наук XX в. Питер Вагнер указывал, что с середины XIX в. в развитии социальной теории, обычно описываемом по модели практически непрерывной кумуляции знания, скорее имели место две несопадающие «волны»: одна из них, ориентированная на строительство социальной науки как «большой теории» (по модели философии или естествознания), после Первой мировой войны стала испытывать серьезные внутренние и внешние затруднения. Другая, оформившаяся после Второй мировой войны и получившая всеобщее распространение с середины 1960-х гг., уже в значительно большей степени опиралась на эмпирические исследования и была тесно связана с интересами социального государства и интервенционистской социальной политикой⁹. Развитие марксизма как программы социального исследования в рамках Франкфуртского института находится как раз в этом промежутке между первой, философско-метафизической, и второй, социально-прикладной, стадиями формирования современных социальных наук¹⁰. Именно поэтому в книге особенное внимание

⁸ Таким образом в последние десятилетия обозначаются общие смены методологических ориентиров гуманитарного знания, например «лингвистический поворот» и т. д.

⁹ Björn Wittrock, Peter Wagner, Helmut Wollman, «Social Science and Modern State: Policy Knowledge and Political Institution in Western Europe», in Peter Wagner (ed.), *Social Sciences and Modern States. National Experiences and Theoretical Crossroads*. Cambridge: CUP, 1989, p. 35–38. Подробнее см.: Peter Wagner, *Sozialwissenschaften und Staat. Frankreich, Italien, Deutschland, 1870–1980*. Frankfurt am Main; New York: Campus, 1990.

¹⁰ Разумеется, это хронологическое разделение не является абсолютным и разность исследовательской и «социально-технологической» интенций современного социального знания продолжает давать о себе знать не только в виде расхождения его объективистской и критико-теоретической версий («спор о позитивизме» в немецкой социологии 1960-х гг., а также последовавшие за ним дебаты Лумана и Хабермаса), но и в более прагматическом разделении научного труда между «чистыми теоретиками» и эмпирическими исследователями,

уделено собственно организационной истории и политическим перипетиям «академизации» марксизма в деятельности Франкфуртской школы периода Веймарской республики¹¹. Кроме того, собственно утверждение социологии в Германии проходило, пожалуй, с наибольшими трудностями по сравнению с другими европейскими странами или США именно в силу господства в немецком университетском истеблишменте первой трети XX в. представлений о примате духа и государственной целостности — в противовес столкновению частных и групповых интересов, которые и являются предметом внимания социологии (этому аспекту борьбы немецкой социологии за интеллектуальное признание и академический статус посвящены соответствующие разделы известных работ Ф. Рингера¹² и В. Лепениса¹³).

Поскольку такие сюжеты, как эволюция марксизма, утверждение современного социального знания или идеологические перипетии Веймарской Германии, еще не стали «остывшей» и нейтральной темой, то их вполне серьезное и академическое историческое освещение и разработка, начавшиеся еще с 1960-х гг., остаются и по сей день ценностно и идеологически нагруженными. Особенно показательны в этом смысле посвященные Лукачу биографические исследования, вышедшие в США, в частности В. Цитта¹⁴ (где философские положения венгерского мыслителя иллюстрируются тенденциозным цитированием манновского Нафты), или работы Д. Пайка¹⁵, А. Кадаркая¹⁶ и в меньшей

между социальной теорией и собственно социологией как связанными и вполне самостоятельными исследовательскими областями.

¹¹ Анализ организационных аспектов развития Франкфуртской школы см. в особенности: Helmut Dubiel, *Wissenschaftsorganisation und politische Erfahrung. Studien zur frühen Kritischen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976.

¹² Fritz Ringer, *The Decline of German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969.

¹³ Wolf Lepenies, *Between Literature and Science: The Rise of Sociology*. Transl. from German. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

¹⁴ Victor Zitta, *Georg Lukács's Marxism. Alienation, Dialectics, Revolution. A Study in Utopia and Ideology*. The Hague, 1964.

¹⁵ David Pike, *Lukács and Brecht*. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1985.

¹⁶ Arpad Kadarkay, *Georg Lukács: Life, Thought and Politics*. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

степени — Л. Конгдона¹⁷, в которых сталинистские взгляды Лукача 1930–1940-х гг. так или иначе были представлены как логическое следствие его марксистского выбора конца 1918 г. «Ортодоксально-марксистскую» линию критики взглядов Лукача, начатую еще в середине 1920-х гг., развивали уже после его участия в событиях 1956 г. на стороне И. Надя советские или коммунистические авторы, например Б.Н. Бессонов, И.С. Нарский¹⁸, А. Груненберг¹⁹, Р. Штайгервальд²⁰ и др. В то же время исследования Л. Гольдмана²¹ (но только в отношении раннего Лукача до 1930-х гг.), И. Хермана²², Л. Сиклаи²³, отчасти М. Лёви²⁴, а также отечественных авторов М.А. Хевеши²⁵ или С.Н. Земляного²⁶ проникнуты, напротив, духом глубокого сочувствия и подчас некритического отношения к своему герою. То же самое можно сказать и об историографии Франкфуртской школы или отдельных ее приверженцев, где наряду с «автоинтерпретациями», принадлежащими авторам второго поколения (А. Шмидт, Ю. Хабермас), обильно представлено также и критическое изложение их позиций — как с «традиционно-марксистской» или же «советской», так и с «буржуазной» стороны.

¹⁷ Lee Congdon, *The Young Lukács*. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press, 1985.

¹⁸ Борис Бессонов, Игорь Нарский, *Дьердь Лукач*. Москва: Мысль, 1989.

¹⁹ Antonia Grunenberg, *Bürger und Revolutionär. Georg Lukács. 1918–1928*. Köln; Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1976.

²⁰ Роберт Штайгервальд, *Буржуазная философия и ревизионизм в империалистической Германии*. Москва: Прогресс, 1983.

²¹ Статьи, посвященные молодому Лукачу и теории овеществления, см.: Lucien Goldmann, *Recherches dialectiques*. Paris, 1959.

²² István Hermann, *Die Gedankenwelt von Georg Lukács*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978.

²³ László Sziklai, *After the Proletarian Revolution. Georg Lukács's Marxist Development. 1930–1945*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992.

²⁴ Michel Löwy, *Georg Lukács — from Romanticism to Bolshevism*. London: NLB, 1979.

²⁵ См., например: Сергей Поцелуев, Мария Хевеши, «Мессианско-утопическое восприятие марксизма у Д. Лукача», в кн.: Мария Фёдорова, Мария Хевеши (ред.), *От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии)*. Москва: ИФ РАН, 1995.

²⁶ Сергей Земляной, «Книга Лукача в контексте старых и новых споров о ленинизме», в кн.: Дьердь Лукач, *Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей*. Москва: Международные отношения, 1990, с. 3–51.

В кругу отечественных авторов, пишущих о мыслителях Франкфуртской школы, безусловно выделяются, как по количеству написанного, так и по последовательности критических претензий к теоретическим построениям Адорно, Хоркхаймера и их единомышленников, работы известного московского историка социологии Ю.Н. Давыдова²⁷. Не будет большим преувеличением сказать, что именно благодаря его многочисленным книгам и статьям начиная с 1970-х и вплоть до середины 1990-х гг. большинство заинтересованных отечественных читателей (включая и меня самого) знакомы с работами мыслителей Франкфуртской школы, игнорируя всегда необходимо присутствовавшую в них порцию официальной критики «буржуазной идеологии». Но в отличие от других сочинений подобного жанра исследования Давыдова по своим задачам далеко выходили за пределы аннотирующего пересказа недоступных западных авторов с необходимым гримом из ссылок на классиков марксизма и партийные постановления. Уже авторы начала 1980-х гг. (например, Н.С. Злобин, а также отчасти Л.М. Баткин) указывали на близость критических идей Давыдова культур-консервативным принципам, в частности немецкой философской антропологии (в лице неоднократно цитируемых им Х. Плеснера или Р. Бубнера)²⁸. Ему были близки пафос утверждения безусловных моральных абсолютов и подчеркивание значимости онтологического измерения социальной и философской теории, которые были направлены против «социологического редукционизма» главных героев его сочинений. В 1990-е гг. ориентиры и постулаты этой либерально-консервативной критики марксизма — его наиболее рафинированной и научно respectable франкфуртской версии — были открыто заявлены Давыдовым на страницах его новейших, в т. ч. и автобиографических, работ: разочарование в марксизме (включая и наследие молодого Маркса) образца Ильенкова или Лукача уже к концу 1960-х гг.; безоговорочная акту-

²⁷ Юрий Давыдов, *Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы*. Москва: Наука, 1977; Юрий Давыдов (ред.), *Неомарксизм и проблемы социологии культуры*. Москва: Наука, 1980.

²⁸ См. подробнее: Александр [Н.] Дмитриев, «Политика теории: “левое” и “правое” в социологической классике и современности», в кн.: Наталья Шматко (ред.), *Поэтика и политика. Социо-Логос. 1998*. Санкт-Петербург: Алетейя, 1999, с. 227–270.

ализация «веховского» ниспровержения интеллигентской революционности; наконец, весьма идеологизированная трактовка наследия Макса Вебера с преимущественным вниманием к связи религии и трудовой этики²⁹. Однако в ситуации политической и академической открытости и появления русских переводов самих франкфуртцев эта подновленная Сергием Булгаковым моралистская критика «идеологии контркультуры», очевидно, представляет на сегодняшний день только одну, заведомо одностороннюю, устаревшую по уровню осмысления и зачастую весьма превратную трактовку наследия Франкфуртской школы, которая не может рассматриваться в качестве адекватного представления ее истории³⁰. Гораздо более взвешенными кажутся написанные в 1970-е гг. работы А.В. Михайлова об Адорно и социологии музыки³¹ или даже критика эстетических установок Франкфуртской школы в духе М.А. Лифшица у В.Г. Арсланова³². Большую роль в формировании отечественной историографии марксизма XX столетия, безусловно, сыграли работы уральских философов рубежа 1980–1990-х гг.³³

²⁹ Юрий Давыдов, «Дух мировой осел тогда в эстетике...», *Социологический журнал*, 1997, № 3, с. 177–195.

³⁰ Особенно показателен в этом смысле заключительный раздел четвертого тома «Истории теоретической социологии», где Давыдов буквально через запятую перечисляет Арто, Райха, Маркузе, Бретона, бунтующих студентов 1968 г. и постмодернизм с его внутренним садомазохистским комплексом как воплощение угроз и теоретических соблазнов «нашего проклятого богом века». Многозначительный пафосный стиль и агрессивно-кликушеский тон этой фундаменталистской публицистики, выдаваемой автором за откровения исследовательской ответственности и нравственно-философского поиска, настолько красноречив и саморазоблачителен, что лучшего финала этой версии «подсоветского» антимарксизма просто нельзя было даже придумать (см.: Юрий Давыдов (ред.), *История теоретической социологии*: В 4-х т. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 2000, т. 4, с. 717–718).

³¹ См. их переиздание в кн.: Теодор Адорно, *Избранное. Социология музыки*. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1999, с. 290–411.

³² Виктор Арсланов, *Миф о «смерти искусства». Эстетические идеи Франкфуртской школы от Бенямина до «новых левых»*. Москва: Искусство, 1983.

³³ Вячеслав Скоробогачкий, *По ту сторону марксизма*. Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1991; Вячеслав Скоробогачкий, Анатолий Гайда (ред.), *Марксизм и Россия*. Москва, 1990, и др.

В своей исследовательской работе я в первую очередь ориентировался на «стандартные» монографии по истории Франкфуртской школы, принадлежащие авторам, заставшим ее создателей в конце 1960-х гг., — Мартину Джею³⁴ и Рольфу Виггерсхаузу³⁵, а также на капитальные исследования, посвященные политической биографии Лукача и его интеллектуальной эволюции (до 1930 г.), которые были подготовлены соответственно Йоргом Каммлером³⁶ и Паулем Брайнсом совместно с Эндрю Арато³⁷. В 1990-е гг. круг уже практически необозримой литературы о Лукаче, с одной стороны, и о Франкфуртской школе — с другой, пополнился целым рядом значительных сочинений, из которых я хотел бы особенно выделить монографии А.С. Стыкалина³⁸, Ю. Бендль о «докоммунистическом» Лукаче³⁹, Г. Тиханова (о Лукаче и Бахтине)⁴⁰ и А. Демировича о критической теории после 1945 г.⁴¹ Однако особенно важными были пополнения документального свода ранней истории неомарксизма: публикация ответа Лукача середины 1920-х гг. на критику Рудашем и Дебориным его «Истории и классового сознания» («Хвостизм и диалектика»)⁴², выход в свет документов следственного дела Лукача 1941 г. и материалов его личного коминтерновского досье⁴³, издание Р. Хеккером представитель-

³⁴ Martin Jay, *The Dialectical Imagination. A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research. 1923–1950*. 2nd ed. Berkley: University of California Press, 1996.

³⁵ Rolf Wiggershaus, *Die Frankfurter Schule. Geschichte. Theoretische Entwicklung. Politische Bedeutung*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991.

³⁶ Jörg Kammler, *Politische Theorie von Georg Lukács. Struktur und historischer Praxisbezug bis 1929*. Berlin; Neuwied: Luchterhand, 1975.

³⁷ Andrew Arato, Paul Breines, *The Young Lukács and the Origins of Western Marxism*. New York: Seabury Press, 1979.

³⁸ Александр Стыкалин, *Дьердь Лукач — мыслитель и политик*. Москва: Саганенко, 2001.

³⁹ Júlia Bendl, *Lukács György élete a századfordulótól 1918-ig*. Budapest, 1994; см. также ее статьи, подготовленные на основе этой книги.

⁴⁰ Galin Tihanov, *The Master and the Slave. Lukács, Bakhtin and the Ideas of Their Time*. Oxford: Clarendon Press, 2000.

⁴¹ Alex Demirović, *Der nonkonformistische Intellektuelle. Die Entwicklung der Kritischen Theorie zur Frankfurter Schule*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999.

⁴² Georg Lukács, *Chvostismus und Dialektik*. Budapest: Aron Verlag, 1996.

⁴³ *Беседы на Лубянке. Следственное дело Дьердя Лукача. Материалы к биографии*. Москва, 1999.

ного сборника о плодотворном сотрудничестве Франкфуртского Института социальных исследований и Института Маркса и Энгельса в 1920-е гг. в деле научного издания собрания сочинений классиков марксизма⁴⁴. Вместе с опубликованными в составе собраний сочинений Адорно и Хоркхаймера текстами материалов и писем, связанных с начальным этапом деятельности Франкфуртского Института социальных исследований и его сотрудников, включая их позднейшие интервью и воспоминания (Л. Левенталя, К.-А. Виттфогеля и др.), все эти источники позволяют существенно расширить наше понимание круга методологических, политических, культурных и даже повседневных интересов леворадикальных теоретиков 1920–1930-х гг. Обнаруженные мной в РГАСПИ, ГАРФ, Архиве РАН, а также в будапештском Архиве Лукача документы позволяют в ряде случаев уточнить ряд существенных деталей и проблем, касающихся зарождения западного марксизма (хотя, конечно, не меняют реконструируемую главным образом по уже опубликованным источникам картину кардинально).

Таким образом, эта обширная документальная база позволяет в начале XXI в. при рассмотрении интеллектуальной истории неомарксизма помимо движения в традиционном жанре истории идей обратить особое внимание также и на социальную историю их носителей, включая изменение политических и академических параметров воспроизводства этих идей⁴⁵. Точно так же популярный начиная с 1980-х гг. в рамках интеллектуальной истории жанр «истории дискурсов»⁴⁶, устанавливаю-

⁴⁴ Elena Arzanova et al. (Hg.), *Erfolgreiche Kooperation. Das Frankfurter Institut für Sozialforschung und das Moskauer Marx–Engels–Institut (1924–1928)*. Berlin; Hamburg: Argument-Verlag, 2000.

⁴⁵ Наиболее плодотворно концептуальный аппарат современного науковедения к развитию критической теории от Лукача до Хабермаса пытался применить в начале 1980-х гг. Хауке Брунхорст (Хауке Брунхорст, «Paradigmakern und Theoriedynamik der Kritischen Theorie der Gesellschaft», *Soziale Welt*, 1983, N 1, S. 22–56). Ср. близкую по общей постановке проблемы кандидатскую диссертацию Д.В. Иванова, защищенную на социологическом факультете СПбГУ (Дмитрий Иванов, *Эволюция критической теории общества*, Дис. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 1998).

⁴⁶ Manfred Gangl, Gerard Raulet (Hg.), *Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik. Zur politischen Kultur einer Gemengelage*. Frankfurt am Main; New York: Campus, 1994.

щий общность подходов, тематических ракурсов и категориальных построений у внешне разнородных и даже противоположных течений, именно применительно к истории идейной жизни Веймарской Германии демонстрирует как немалые эвристические возможности, так и опасности весьма поверхностного генерализующего сопоставления «с высоты птичьего полета» исторически несводимых идеологий, ибо при этом происходит неправомерное смешение и смещение самых актуальных для своего времени расхождений. При непосредственном обращении к материалу гораздо более значимыми оказываются дивергентные политические силовые линии, разводящие Хайдеггера, Шмитта, Фрайера и Юнгера по одну, а Лукача, Бенямина, Адорно и Маркузе — по другую сторону этого единого поля, чем наличие общего для всех названных мыслителей интеллектуального базиса или рамок (в нашем случае, например, — соучастие в трансформации немецкой и европейской социальной мысли 1910–1930-х гг. от неокантианства и позитивизма к онтологии и историзму). Сходный метод детального раскрытия социального и культурно-исторического (биографического) контекста того или иного течения или персоны также вызывает обоснованные претензии в возможном растворении актуальных напряжений и противоречий в единой картине-реконструкции изучаемой целостности⁴⁷. Итак, наличие общей проблематики и общего согласия в постановке вопроса вовсе не отменяет заслуживающих первостепенного внимания расхождений среди современников — не только между оппонентами, но даже и в кругу единомышленников, как это было в случае Лукача и франкфуртских теоретиков вплоть до начала 1930-х гг. Большое значение при этом анализе сходств и особенно различий в плане интеллектуальной истории⁴⁸ приобре-

⁴⁷ Упрек, адресованный Д. Лакапра к Ст. Тулмину и А. Янику — авторам известной монографии «Витгенштейновская Вена» (1981), посвященной культурным истокам творчества Л. Витгенштейна (см.: Dominick LaCapra, *Rethinking Intellectual History. Texts, Contexts, Language*. Ithaca, Cornell University Press, 1983, p. 93–117).

⁴⁸ См.: Лорина Репина, «“Второе рождение” и новый образ интеллектуальной истории», в кн.: Александр Фурсенко (ред.), *Историческая наука на рубеже веков*. Москва: Наука, 2001, с. 175–192; Александр [Н.] Дмитриев, «О перспективах социальной истории идей в современной российской историографии», *Философский век. Альманах*. Санкт-Петербург, 2001, вып. 18, с. 36–43.

тает обращение к проблематике собственно политики, включая политику теории, с одной стороны, и к групповой и институциональной динамике ученых и интеллектуалов — с другой. Примером такого рода исследования может служить капитальная монография В. Эссбаха о младогегельянцах, рассматривающая их в последовательных структурно-аналитических срезах как философскую школу, политическую группу, журналистскую богему и атеистическую секту в разных измерениях жизни прусского общества накануне революции 1848 г. Выбирая скорее повествовательную, а не структурную форму описания становления западного марксизма, я исходил также и из опыта отечественной интеллектуальной историографии, представленной исследованиями Л. М. Баткина о деятелях итальянского Возрождения (на которые в качестве примера ссылается в вышеупомянутой работе о младогегельянцах и В. Эссбах)⁴⁹. Именно Баткин в споре с А. Я. Гуревичем наиболее четко сформулировал жанровое и предметное расхождение своей программы анализа оформленных концептуальных построений и микросоциальных «сред» производителей специализированного знания⁵⁰ — с более распространенной в медиевистике процедурой реконструкции истории и духовной жизни безмолвствующего большинства Средневековья по письменным и визуальным источникам⁵¹.

Возникающая здесь дилемма социальной формы и когнитивного содержания, массовой психологической истории ментальностей и «штучной» истории больших идей⁵² и великих ин-

⁴⁹ Wolfgang Essbach, *Die Junghegelianer*. München: Baeck Verlag, 1999, S. 17–19.

⁵⁰ Сложность работы с «производством теории» заключается еще и в том, что из общего анализа социального положения интеллектуалов, как правило, невозможно *напрямую* вывести характер и специфику вырабатываемых ими *разных* идей (наиболее интересными в данном случае представляются близкие по сути подходы Ф. Рингера и П. Бурдьё). О самых общих контурах социального бытия «людей духа» в Веймарский период см.: Jenő Kurucz, *Struktur und Funktion der Intelligenz während der Weimarer Republik*. Berlin: Grote, 1967.

⁵¹ Леонид Баткин, «Как А. Я. Гуревич возделывал свой аллод», в кн.: Леонид Баткин, *Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре*. Москва: ТОО «Курсив-А», 1994, с. 86–93.

⁵² Здесь имеется в виду немецкая школа изучения идейно-культурной семантики ключевых исторических понятий Р. Козеллека (см. обзорную работу: Melvin Richter, *The History of Political and Social Concepts. A Critical Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 1995).

Интеллектуалов очерчивает наиболее значимую концептуальную проблему современной интеллектуальной истории, особенно ярко проявляющую себя именно на средневековом материале⁵³. Обращение к истории академической науки и академической политики при анализе более современных сюжетов указывает на один из возможных путей снятия действительно имеющихся здесь противоречий. Обращение за методологическим примером к медиевистике далеко не случайно, так как именно в ней — и не только в нашей стране — чаще всего формулируются за последние десятилетия наиболее острые и общие для всех представителей исторического цеха идеи. Так или иначе, при всем признании первостепенной значимости школы «Анналов» для исторической науки ушедшего века, для данного исследования подход Коллингвуда, обогащенный идеями Манхейма и Бурдьё, с методологической стороны оказывается более значимым, чем круг идей Марка Блока и Люсьена Февра⁵⁴. В то же время при всей разнице объектов рассмотрения историк марксизма первой трети XX в. и медиевист, исследующий духовную жизнь далекого Средневековья, сталкиваются, на мой взгляд, также и с одной общей проблемой герменевтического порядка касательно возможности и границ «понимающего вживания» ученого в изучаемую им органическую идейную целостность. Оба исследователя, независимо от веры и политического выбора, стоят перед вопросом о соотносимости собственного интеллектуального опыта и убеждений с теми ценностными порядками, для которых актуальность пролетарской революции или неизбежность второго пришествия Христа были самоочевидными данностями. Свое видение этой проблемы я предлагаю вниманию читателя в заключении книги, ибо любой ответ на поставленный вопрос может быть сформулирован только на основании содержательного анализа обсуждаемого предмета.

⁵³ Roger Chartier, *Cultural History between Practice and Representation*. Cambridge: Polity Press, 1988, p. 40–41.

⁵⁴ Из работ по социальной истории России и Германии данного периода для настоящей монографии особенно значимыми представляются исследования Шейлы Фицпатрик и Стивена Коткина (об СССР 1930-х гг.), а также известная книга Детлева Пойкерта (Detlev Peukert, *Die Weimarer Republik: Krisenjahre der klassischen Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987).